

документе совершенно определенно говорится, что под парикией в то время (1232 г.) состояла не земля париков, а сами парики (*ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων προσηλαθμένων Γουναροπούλων... ὑπὸ παροικίαν τελούντων αὐτῶ*).¹³ Димитрий Торник, рассматривавший это дело, постановил, что парики не могут продать своих участков лицам, владеющим землей на основе прони, ибо за налоги с этих участков они постоянно несут ответственность перед государством (*μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖν πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τῆν τοῦ δημοσίου χεῖρα λαίποτε τελούντα*).¹⁴

„Частная собственность, — пишет Б. А. Панченко, — упорно не уступала монастырской“.¹⁵ Однако мы не знаем ни одного случая, когда это упорство приводило бы к каким-нибудь результатам. Впрочем и наш автор тут же признает, что эта борьба между „началами свободного наследования“ и „сеньориальными правами“ всегда заканчивалась победой последних и в конце концов приводила к продаже земельных участков, за которые велась борьба, светскому феодалу или монастырю. О какой же личной, да еще неограниченной собственности здесь могла идти речь? Наш автор сам говорит и о стремлениях ограничить право париков распоряжаться своей „собственностью“. Именно, в указе 1234 г., поручившем дукe Фракесийской фемы Константину Ласкарю описать владения с. Вари, прямо говорится, что император повелевает не позволять крестьянам делать каждому то, что ему хочется (*μὴ ἐάσῃς τοὺς χωρίτας ἕνα ἕκαστον ποιεῖν, ὅπερ ἄρα καὶ βούλεται*).¹⁶ Далее в этом же документе ясно указывается, в чем состояли ограничения прав Гунаропула в распоряжении его участками. „Если Гунаропул хочет иметь этот воидатный участок, — говорится в простаге императора, — пусть он уплачивает причитающиеся с него налоги и остальные паричские повинности (*τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικικά βάρη*). Если же не может ее сохранить, то ты (дука фемы Константин Ласкарь — Б. Г.) должен передать монастырю эту воидатную землю и не позволить ему (Гунаропулу — Б. Г.) передать ее кому-либо из его родственников (*καὶ μὴ παραχωρήσῃς παραδοῦναι αὐτὴν πρὸς τινὰ συγγενῆ αὐτοῦ*).¹⁷ Может ли встретиться в византийском документе позднего времени более яркий отрывок, с подобной силой отвергающий теорию о свободном, неограниченном праве париков продавать свою землю, передавать ее по наследству и т. д.?

В требовании не выходить из тягла Б. А. Панченко видит главное ограничение крестьянской наследственной собственности.¹⁸ Мы видели, что дело не только в этом, что ограничена была правоспособность парика в распоряжении своим участком. И поэтому нет никаких оснований считать, что монастырь не отрицал за париками личной собственности, а лишь настаивал на сохранении тяглового характера населенной ими территории. Отрывать тягловый характер земельных участков от личных повинностей зависимых крестьян, характер крестьянской собственности от форм феодальной зависимости — значит строить отвлеченные схоластические схемы, которые не могут помочь распутать сложный узел земельных отношений средне-византийского времени. В качестве одного из своих основных выводов Б. А. Панченко постоянно приводит положение о том, что личная зависимость парика совсем не имела места, что

¹³ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 199.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 100.

¹⁶ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 132.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 101.